

НЕЛЬЗЯ ПЕРЕВЕСТИ ТО, ЧЕГО НЕ ЛЮБИШЬ...

Писатель, переводчик, кандидат педагогических наук Нина Павловна Скалковская (Платонова) родилась на богатой литературными традициями северо-казахстанской земле, земле Г. Мусрепова, С. Муканова, И. Шухова, в селе Явленка, в крестьянской семье. Здесь в годы Великой Отечественной войны началась ее трудовая биография: литсотрудник районной газеты, диктор областного радио.

Окончив факультет журналистики Казахского государственного университета, преподавала литературу в школе, работала в издательстве «Жазушы» редактором, продолжительное время - преподавателем, а после защиты диссертации – доцентом на кафедре педагогики в Казахском педагогическом институте им. Абая.

Но истинным ее призванием всегда оставалась литература, литературоведение, переводы. Еще в студенческие годы Нина Скалковская активно включилась в литературную жизнь республики. Ее произведения публиковались в альманахе «Литературный Казахстан», журналах «Советский Казахстан», «Простор». Эти очерки, рецензии и статьи были посвящены творчеству выдающихся писателей: И. Есенберлина, Г. Мусрепова, Б. Момыш-улы, А. Алдана-Семенова, Ф. Егорова, В. Ванюшина.

Отдельными изданиями в 1957 году, к Дням культуры Казахстана в Москве, вышли в свет написанные Ниной Павловной творческие биографии Абая, Жамбыла, С. Торайгырова, Б. Майлина, И. Жансугурова, С. Сейфуллина, Г. Мусрепова, Г. Мустафина. В 1958 году в переводе Н. П. Скалковской издана монография С. Кенжебаева «Султанмахмуд Торайгыров».

Много сил и времени Н. П. Скалковская отдает переводу с казахского на русский язык произведений устного народного творчества, выдающихся мастеров казахской художественной литературы. В 1963 году в Казгослитиздате увидели свет ее переводы казахских народных сказок (академическое издание), в 1969 году – «Уйгурские юморески» (также академическое издание). Эти переводы

огромными тиражами переиздаются уже многие годы, они послужили исходным материалом для перевода на чешский, венгерский и польский языки.

Благодаря ее переводческому дару были представлены русскому читателю произведения Ильяса Есенберлина, Тахауи Ахтанова, Беркайыра Аманшина, Кабдеша Жумадилова, Мухтара Магауина, Дукенбая Досжана, Дулата Исабекова и многих других, изданные не только в Алматы, но и в издательствах «Художественная литература», «Советский писатель» (Москва). Большой вклад своими очерками внесла писательница в создание двухтомника «Герои Советского Союза - казахстанцы».

Как опытный редактор Н. П. Скалковская готовила к изданию произведения известнейших казахских писателей: М. О. Ауэзова, А. Алимжанова, И. Есенберлина, Г. Мусрепова, С. Муканова, Б. Момыш-улы, мастеров русской художественной литературы – С. Маркова, С. Никитина, Д. Снегина. Сотрудничая в журнале «Вестник АН Каз.ССР» (1950–1954 гг.), Нина Павловна редактировала, готовила к изданию труды академиков К. Сатпаева, А. Маргулана, Г. А. Тихова, В. Г. Фисенкова, Д. В. Сокольского, А. Л. Чижевского (последнего под стражей привозили в редакцию из Карлага). Ученый-педагог, она большое внимание уделяла работе с аспирантами, сама будучи автором более сорока научных статей (ежегодные выпуски «Педагогика», «Психология», «Журналистика»), монографии «Формирование активной жизненной позиции будущего учителя», вышедшей в издательстве «Мектеп» (1988 г.).

Н. П. Скалковская награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945», ее педагогическая и литературная работа отмечены правительственными медалями и Почетными грамотами нашей республики.

Публикуя рассказы казахских писателей Саурбека Бакбергенова, Дукенбая Досжана и Дулата Исабекова в переводах Н. П. Скалковской, мы вместе с читателями хотим обратиться к юбилею со словами глубокой признательности и искреннего уважения.

Многоуважаемая Нина Павловна!

Поздравляем Вас, старейшего русского писателя республики, постоянного автора журнала «Простор», с девяностолетним юбилеем! Мы преклоняемся перед необычайным трудолюбием и неустанной Вашей энергией, которые могут служить примером для творческой молодежи и которые вместе с литературным талантом стали залогом Вашего жизненного успеха, вашей плодотворной жизни, посвященной родной семье и родной литературе. Крепкого Вам здоровья, активного долголетия, благополучия Вашей семье, благоденствия детям, внукам и правнукам!

КАСИЕТ

Даже в мыслях я не мог допустить, что бабушка Тоты может когда-нибудь тронуть меня хоть пальцем или накричать. Но тем крепче врезался в память один казался бы, незначительный случай.

А надо вам знать, что бабушка Тоты, от природы любезная и добрая, больше всего на свете обожала нас, своих внучат, и уж совсем души не чаяла во мне, ласковом наследнике. Ни на шаг не отпускала она меня от себя, всегда заботилась и нежила. Поэтому, наверное, и для меня с детства не было человека роднее и дороже ее. Когда бабушка смотрела на меня своими уже потухающими, подслеповатыми глазами, мне казалось, что в душу вливается какое-то несказанное чувство блаженства. Оно струилось из глаз бабушки, как морская лазурь в безветренную погоду или как свет алой утренней зорьки. И чаще начинало биться мое маленькое сердце, все существо мое переполнялось радостью и энергией. Невозможно словами передать обаяние и разум этой женщины, напевность и спокойствие ее речи, влияние ее на меня. Не кто иной, как она, бабушка Тоты, заронила в мою душу зерна бесконечной любви и преклонения перед женщиной-матерью.

Только единственный раз за всю жизнь она дернула меня за ухо – да разве в том беда! – посмотрела на меня такими глазами, каких я не видывал у нее отродясь, и чужим, гневным голосом произнесла странное, непонятное слово. Скажете, подумаешь – кому не перепало! Я и сам точно такого же мнения. Но этот пустяковый случай не выходит у меня из головы и поныне. И что за причина? Ну да расскажу, как оно было, по порядку.

...Летний день. Ах, как не хочется после школы шагать сразу домой. Да и мальчишки-одноклассники уже пустились вперегонки по прогретой солнцем дороге. Бросаю в общую кучу свой портфель и стремглав несусь догонять дружков. Что было! Пушистая пыль дороги тучей стояла над нашей свалкой, и не заметили, как солнце докатилось до черты горизонта. Вечерело. Нечего делать, поплелись по домам. Дома швырнул изрядно надоевший за год портфель в угол, остановился посреди комнаты. Тишина. Огляделся. Бабушка Тоты сидит на кровати, поджав под себя калачиком ноги, и терпеливо закручивает кончик нитки, пытаясь вдеть ее в иголку. Заметив меня, она обратилась с неизменной лаской:

– Ягненок мой, помоги вдеть нитку, надо починить твою рубашку.

– Ягненок мой черненький, очи мои зоркие в старости моей, – растроганно заговорила бабушка, когда я вдел нитку в иголку, – теперь пойдешь во двор, отряхнешься от пыли и умойся хорошенько. А я приготовлю тебе поесть.

Только я слышал о еде, как в животе что-то забулькало, даже показалось, что в глазах потемнело. Ну и проголодался же я, оказывается, прямо нет терпения! Уже ни отряхиваться, ни умываться не хочется... Все-таки вышел в сени, а тут – ну и здорово! – стоит в углу казан, полный молока. Это, конечно, бабушка вскипятила его для айрана. Крышку с казана она сняла, чтобы молоко скорее остывало и можно было снять верхушку – каймак к чаю. Как изморозь на окне, обросшем инеем, на молоке застыла толстенная пенка. Я остановился, не в силах отвести глаз от этой пенки. Что же делать? Или пойти все-таки отряхнуться и умыться, или набрать

пригоршню пенки и... Слюнки текут, сил нет. Угрызения совести не долго терзали меня, терпению пришел конец: я запустил грязную пятерню в молоко, сдернул пенку – и ко рту... В тот же миг кто-то больно дернул меня за ухо! Не шевелюсь. Вижу только грязные полосы от моих пальцев, лучами расходящиеся по молоку.

– Лишенный касиета! – услышал над головою гневный окрик, в котором что-то слегка напоминало голос бабушки.

Собираюсь с силами, оборачиваюсь – она. Мои глаза обжег ее презрительный взгляд. Не помню, как вышел во двор, отряхнулся от пыли, умылся. А в голове неотвязно одно и то же: «Только что называла ягненочком, зорким очами – и на тебе! Натрепала ухо и словом каким-то обидным обругала. Уж лучше бы обозвала негодником, скотиной или, того хуже, свиньей – такое от других слышать приходилось. Так нет – «лишенный касиета»! И что бы это значило?»

Да, много в жизни таинств. Но самое сокровенное – человек. Тайна его непонятной внутренней силы глубже глубоких морей и океанов, выше высоких горных вершин. Потому-то человек – венец всей природы, ее совершенство. Моя бабушка Тоты – одна из многих. Хоть и простодушна на вид, не то чтоб получить образование, а даже писать собственное имя не умела, но на своем веку повидала многое. Уж бабушка Тоты знала, что такое жизнь. И тайна ее так же мудра, как и проста.

Я вошел в дом. Бабушка, словно ничего не произошло, подала мне кружку кипяченого молока, верхушку которого украшала пенка. Я наелся и забыл обо всем. Как всегда, нырнул под теплую, ласковую ладонь бабушки, закутался, играя, в складки ее просторного платья...

Вот, собственно, и весь случай, единственный такой за всю жизнь. Но чем дальше уходит от него время, тем ярче в памяти этот эпизод и запавшее в душу слово.

Прошли годы. Я закончил в Алма-Ате учение и уехал в дальний район работать зоотехником. Как водится, женился, и у меня родился сын-первенец. Любуюсь на него, и все чаще вспоминается мне детство, дым родного аула, бабушка Тоты.

«Надо, обязательно надо показать ей, пока жива, правнука», – думал часто. Наконец собрались, поехали всей семьей. В ауле первый салем отдал бабушке Тоты. Она была все та же, если бы не следы старости: сторбилась, незрячие глаза прикрыты набрякшими веками.

– Бабушка, я приехал! Правнука привез показать, его звать Еркин, сноху – Айша. Вот она, хочет отдать вам салем.

– Айналайн, мой черненький ягненочек, мой Кобырбай...

Старушка притянула к своей впалой груди мою голову, глубоко вдохнула воздух и произнесла с наслаждением, почти шепотом:

– Запах все тот же, что в детстве, – запах солнца и молока... – И успокоившись: – Твоему сыну, снохе и тебе желаю много лет жизни!

Я, как прежде, удобно уселся у ног бабушки, обняв ее за колено. Она взяла на руки Еркина, прижимала его к себе, тормошила и тискала, пытаясь разглядеть. И передо мною снова явлю встало мое далекое детство, злополучный случай с пенкой и... слово бабушки. Теперь уже суть его мне была отлично ясна. Всякий раз, когда в порыве гнева мне хотелось кому-то бросить упрек, первым в уме всегда всплывало оно. Но открывшийся в нем для меня глубокий смысл был так силен, что я всякий раз останавливал себя. Слово теперь принадлежало мне. Оно жило во мне как духовное завещание бабушки. И если сначала – мучительным укором, то теперь – священным заклинанием на все хорошее в моей жизни.

Ради шутки, чтобы приподнять настроение бабушки и заодно поговорить о дорогих мне днях, проведенных под ее лаской и опекой, я напомнил случай с пенкой и... слово.

– Опырмай, зрачок глаз моих! – рассмеялась бабушку чуть надтреснутым, как звук домбры, смехом. – Неужто все еще помнишь?

– Да как же не помнить? За всю жизнь услышал от вас единственное гневное слово – и то непонятное!

– А как, скажи, ты принял его, с обидой или рассудком?

– Чего уж скрывать: сначала обиделся очень. Потом, когда повзрослел и поумнел, – оценил дорогого.

– Молодец! – похвалила бабушка. – Если бы не задело оно твоего самолюбия, то ты бы давно его позабыл. А ты, видишь, душой принял.

И хотя бабушка не могла уже вдеть нитку в иголку, как прежде, штопать одежду, вышивать узоры на кошке, но свое мастерство плести узоры мысли она не утратила.

Шевеля бледными ниточками губ, загибая сухие, дрожащие пальцы, она говорила:

– Не привелось мне в жизни быть ни акыном, открывающим той стихами, ни батыром, возглавляющим рать. Не отличалась я и особым красноречием. Но у меня есть свое, заветное, о чем сказать могу. Помолчи, помолчи, говорить после меня будешь, еще успеешь. И потому, что это для меня самое заветное, ты запомни его, Конырбай!

– Мои уши слушают вас, бабушка!

– Э-э, – поморщилась она, словно отведав плоток перекишшего айрана. – Брось со своими ушами. Не те ли это самые уши, которые я надрала в тот памятный день? На слух не запомнишь. Возьми бумагу и карандаш.

– Взял!

– Раз взял, пиши: «Слово моей бабушки Тоты».

– Записал.

И, раскачиваясь в такт словам, бабушка заговорила:

От трутня-пчелы в ульях меда нету,
Это значит – трутень лишен касиета,
Головня, обгорев, не дает света,
И, выходит, она лишена касиета.
От беспутного сына не жди ты привета,
Потому что беспутный лишен касиета.
Не сказал вам мудрец нужной правды-ответа.
Не мудрец он – пройдоха, лишен касиета!
Коль девица без чести, не сдержала обета,
Все равно и она лишена касиета.
Раз земля по весне в цветы не одета,
То она гола, лишена касиета.
Ходит в жизни джигит без мечты поэта, –
Простофиля он, он лишен касиета.
Коли пухом платка голова не согрета,
Значит, пух без тепла, лишен касиета.
Если воин сменил свой меч на соил,
То и он касиет забыл.

Бабушка закончила свои стихи-импровизацию. Я закончил их записывать. Молчали. Видимо, бабушка давала мне время осмыслить услышанное. У меня от волнения перехватило горло, глотаю слюни, словно снова увидел перед собою ту заветную пенку. Признаться, не ожидал я такого от бабушки Тоты. И вправду, она – тайна.

– Конырбайджан! – словно очнулась старушка. – Теперь тебе понятен смысл моего слова? Да и как не понять тебе! У тебя семья, сын, цель в жизни. А есть и такие, что и не понимают. Помнишь своего ровесника, сына пастуха верблюдов? Так он до сих пор бобыль – ни кола ни двора. Только знает, что околачивается у дверей молодых, которые развелись с мужьями. Эх, жизнь...

Она снова закрыла глаза и словно задремала или ушла в себя. Я боялся шелочнуться. В моей голове сами собою рождались слова: «Любимая моя бабушка, цены тебе нет. В неоплатном долгу я перед твоим материнским сердцем. Не знаешь ты, что сама и есть воплощение священного, придуманного тобою образа чистоты и целеустремленности, названного словом «касиет»». Голова моя склонилась в невольном поклоне на грудь бабушки.

– Ягненочек мой! – произнесла она словно сквозь сон.

Дукенбай Досжан

КОКПАР

Был уже знойный полдень, когда Сердалы сел на коня.

Тишина, даже жаворонок не зазвенит. В степи маячат лишь черные фигуры одиноких чабанов. Далеко, у самой черты горизонта, выются пыльные смерчи.

На могильный курган опустились два беркута и сидят, широко открыв клювы. Время будто остановилось. Раскаленное солнце застыло в раскаленном небе.

Мог ли знать джигит в этот знойный час, что ждет его в час заката... Отправляясь на кокпар, он по обыкновению не раздумывал о будущем. Да и что гадать? В кокпаре все решает риск. Таково слово отцов, таков завет предков. А коль в душу вкралось сомнение или волнуешься – быть неудаче. Страх отроду неведом был Сердалы. Рос он пылким и смелым джигитом с открытой душой.

Внезапно он ощутил непонятную слабость, головокружение и тошноту. Все тело вдруг неприятно заныло, на лбу выступили капли холодного пота. Сами собою выскользнули поводья из рук, и он едва успел схватить их... На кокпар отправляется Сердалы не впервые, но такого еще не испытывал. «Что со мною? – недоумевал он. – Неужели слезы Каракыз растревожили мое сердце?» Перед глазами возникла картина смерти отца...

Тогда ему было лет десять, не больше. С утра до ночи он пас ягнят. Однажды, по случаю какого-то праздника, остался в ауле. В этот день в степи устроили большой кокпар. Топот скачущих коней с ума сводил отца. Он не в силах был усидеть дома. Но когда оседлал коня, мать ухватила за стремя. «Не езд! – умоляла она. – Конь не выстоянный. Не езд!»

Сердалы недоумевал, почему мать плачет, почему волнуется, ведь отец с кокпара привезет им козленка. За все лето и косточки не было в их казане. Исподлобья глянув на мать, вприпрыжку, довольный, проводил отца. Он был горд. Впереди у отца схватка, стремительная борьба на конях, от которой пыль до небес!

Отец, ни разу не оглянувшись ни на плачущую мать, ни на Сердалы, словно врос в коня и, ссутулясь, все дальше и дальше скакал в степь. Навстречу ему, как живая, надвигалась, застилая солнце, темная завеса пыли. Оттуда из-за завесы доносился топот коней, сотрясающий землю. От дикого нечеловеческого вопля мороз пробежал по коже. И вся эта зловещая кутерьма с каждым шагом все больше поглощала отца.

Были уже сумерки. Сердалы и мать сидели подле юрты, прижавшись сиротливо друг к другу. Все глаза проглядели, поджидая отца. В другой бы раз мать, наверно, сказала: «Пойди побегай» или «Ложись спать, отец приедет, я позову». Но сегодня она сидит бледная, неподвижная, словно окаменевшая. Время от времени вздрагивает всем телом. Глаза устремлены в одну точку, откуда должен появиться отец. Сердалы не заметил, как уснул. Проснулся от душераздирающего стопа матери.

Он помнит сбивчиво, смутно... Перед юртой на коне отец, корпусом устремлен вперед, руки намертво вцепились в гриву. Из носа, изо рта – струйки крови. У порога лежит кокпар – туша годовалого теленка. Какие-то джигиты пытаются оторвать ноги отца от стремена. Только теперь Сердалы понял – ноги сведены предсмертной судорогой. Мать в беспамятстве, как раненая птица, кружит вокруг коня. Джигиты все растирают ноги отца, но безуспешно. Повозились изрядно. Потом один джигит вынул из-за голенища складной нож и полоснул по подпруге. Отца сняли с коня, и он тут же скончался. «Сгорел человек», – сокрушенно качали головами аксакалы.

Смерть отца потрясла Сердалы. Долго перед глазами стояла одна и та же картина. Бедный отец! Так безрадостно прожил он жизнь и так бесславно погиб. Ах, если бы силу отца да ему, Сердалы... Уж он бы показал!

Мать так и не поднялась, к весне схоронили и ее рядом с отцом. Сердалы остался один-одинешенек. Круглым сиротой люди звали теперь его или просто черным пастухом. Вскоре люди забыли о самом его существовании. Да и кому было дело до смуглого пастушонка, затерявшегося в безбрежной степи со своим небольшим табунком овец и коней – это было все, что оставили ему родители после своей смерти.

Среди суровых испытаний судьбы лишь изредка согревали слова стариков: «До чего ж, бесенок, похож на отца, что капля крови. Эх, были времена», – вздыхали они, и бородки их тряслись от гордости. Старики вспоминали о Карыгуле-шабандозе – короле конных состязаний, родном деде Сердалы.

«Карыгул, – говорили они, – трижды на день мог выходить в круг на кокпаре и непременно выигрывал. Теперь таких поискать. Измельчали люди. Дерут на части паршивого козленка и думают, что это кокпар! Какие богатыри прошли по земле! Руки-то были толще бедра нынешних джигитов. Тьфу! – сплевывали они презрительно. – И что за времена такие наступили?..»

Дед Сердалы Карыгул тоже принял смерть от кокпара. Когда он, вырвав тушу, мчался во весь опор от противника, кто-то злоумышленно сшиб под ним коня. Конь трижды перевернулся через голову, лука от седла вошла в живот Карыгулу...

Сердалы подтянул поводья Рыжего со звездочкой. Солнце все еще нещадно палило. Но степь уже оживала... Возникая будто из-под земли, отовсюду съезжались джигиты.

О, в отцовской степи сегодня будет кокпар, да еще какой! Вот и пришла пора Сердалы, вступившего в свое двадцатичетырехлетие! Страсть, что владела и его дедом и отцом, будто проснулась от спячки и потащила Сердалы вслед за другими джигитами.

Заметил приближающихся старцев байского аула. Спешился и направился к ним. Поздоровался с каждым вежливо.

Аксакалы надтреснутым голосом стали спрашивать друг друга:

– Чей это мальчик?

– Единственный отросток ветви Серыгула.

– А-а! Богом кокпара был покойный. Ни разу за всю жизнь не осрамил чести своего рода. Если мальчик в отца, то быть кокпару в его седле.

– А ну, бала, покажи свое искусство. Мы ведь знали твоего отца.
– Уж больно молод, ну что твоя веточка ивы. Имеешь ли отау, сынок?
– Нет, еще не имеет. Замахнулся было на одну девушку, да руки короткими оказались...

– Приготовил ли ты к кокпару коня своего?
Только теперь Сердалы заговорил:
– Недельку выдерживал.
– А что за приз нынче? – спросил сухонький, как щепы, старичок у своего соседа.

– Козел-трехлетка. Такой кокпар может вырвать только джигит из джигитов.
Галдя и посмеиваясь, старики отъехали на вершину холма. Сердалы молча проводил их взглядом. За спиной послышался топот коней. Это скатывались со склонов ближних холмов, как валуны в ущелье, один к одному, джигиты на конях. Конские хвосты подобраны и перетянуты, рукава чапанов засучены выше локтя...

Посредине – толстый здоровенный детина, от его аткаминеров шум на всю степь. Один из них, проезжая мимо, уцепился Сердалы за худой бок. Свита заухала, заулюлюкала, захохотала.

– Ха-ха-ха! Я думал, джигит приехал на кокпар, а это, оказывается, черный пастушонок.

– Хо-хо-хо! Ох и чудак! Как поддел этого недоноска!

– Эх, так вашу! Клянусь, кокпар будет в моем седле!

Это байский сынок Макулуш. Смеется, аж трясется весь. И смех-то какой-то противный, будто он желчь из себя выплевывает. И говорит одни гадости. А аткаминеры подбадривают, подхватывают, одобрительно прищелкивают языками, взвизгивают.

– О, Макулушу нужна только дода.

– А помните прошлый кокпар? Как он этому, ну, Алде-куму, голову-то зажал меж колен?!

– А тому, паршивому пастушонку, голову-то как раскроил?! Вот это силища, скажу я вам.

– Ну, так его... Для кокпара рожден джигит!

Совсем подхалимы голову вскружили Макулушу. Он пыжится пуще прежнего. Каждого встречного матом обложит, а то и камчой огреет. Без толку горячит холеного иноходца. И вдруг – чуть не свалился с седла: подпруга лопнула! Кто-то из приспешников подскакал, подтягивает подпругу. А байский отпрыск от злости побелел, поносит кого-то на чем свет стоит.

Сердалы невозмутим. Желтая степь ожила, принимая все новых и новых джигитов. Под каждым выстоянный конь. Кокпар начался.

Сердалы приотпустил подпругу коня. Не торопится. Обернулся – там, за чертой горизонта, черной точкой виднеется юрта. «Есть в этом проклятом мире одна душа, которая любит. Эта смуглая девушка с огромными черными глазами ждет не дождется меня».

Солнце вышло из зенита. И, словно затмевая светило, разгорелся кокпар, бушевал, как пожар в степи. Передние кони устали. Их уже нагоняют. Оброненный кокпар валяется на земле, возвышаясь сереньким бугорком. Но вот две голые руки с разных сторон ухватились за него одновременно и подняли на скаку. Тянут, стараясь одолеть друг друга. Около десятка верших вьются вокруг них, теснят друг друга. Лиц не различишь.

Сердалы подтянул подпругу Рыжему со звездочкой. Платком, подаренным Каракез, туго повязал лоб. Сейчас он сядет на коня, а сойдет ли – ведомо одному

аллаху. Горячими глазами еще раз глянул в сторону заветной юрты, что чернела там, где обрывается взгляд. Набрал полную грудь воздуха, вскочил в седло и галопом спустился в долину, туда, где горел кокпар.

Густая пыль поглотила его. То тут, то там слышались истошные вопли и стоны, гиканье. Не ожидал Сердалы, что у него будет столько противников. Помнится, отец смело входил в любой кокпар, будь он хоть в тысячу копыт. Не натянул поводьев и Сердалы. Привычный конь сам найдет, где кокпар.

Бой в самом разгаре. Прорезав несколько рядов скачущих, Сердалы увидел, как впереди валко, петляя, словно лиса с добычей, скачут двое, пытаясь перетянуть каждый к себе тушу козла. Рыжий со звездочкой приноровился к бегу противников настолько, что можно было дотянуться рукой до кокпара. Теперь все дело за седоком. Опередив скачущего справа, Сердалы ухватился за козла. Три всадника скакали рядом...

Тройная схватка опасна. Стоит чуть приотстать, и сила двух других летящих коней вмиг вырвет тебя из седла. Если двое по умыслу или ненароком поскачут в одну сторону, то запросто третьему выворотят руку. Все решают сноровка, сила рук и бег горячего коня.

Противники не из слабых. И не подумали уступить кокпар. Бег Рыжего все стремительнее, и с каждым мгновением все ощутимее тяжесть туши. Вот один выпустил ее. Теперь их двое. Соленый пот застилает глаза. Содрогаюсь, вырывается из-под копыт земля!

Ноги козла связаны попарно – передние и задние. Сердалы просунул руку под сыромятные ремни. Теперь легче ловчить, применять неведомые другим приемы, которые перешли к нему от прадедов, с детства в плоть его и кровь.

Неуловимым движением наклонился вперед, распластался по самой гриве коня. Рыжий в мгновение ока понял волю хозяина и резко свернул в сторону. Сердалы, готовый к этому, пролетел мимо соперника, приподнял ногу от стремени изо всей силы пнул его в грудь. Противник резко качнулся назад и... туша в руках Сердалы.

Настоящая опасность ждала впереди. Кто-то уже успел подскать сбоку и ухватиться за козла. Не дает выпрямиться, дергает тушу так, что кажется, вот-вот лопнет спинной хребет. Колотит мелкая, горячая дрожь – тело будто кипит. Уже два раза противник почти опрокинул его. Попытался перехитрить. Лошади споткнулись, когда ослабло напряжение, чуть не сшиблись. Стремглав Сердалы подтянул кокпар себе, припал бедром на луку седла. Теперь тот, сбоку, ничего не сможет уж сделать.

Рыжий будто этого только и ждал – во весь опор рванулся вперед. Сердалы не хватало воздуха, во рту растекалась горечь. Он птицей обходил противников, но их было много, и еще не все они выбились из сил. Оторвавшись от основной группы соперников, резко свернул в сторону, на простор. Грудь распирало от тугого степного ветра и... гордости! Перед глазами вновь отец. Да, он скакал именно так!

С криком «хватай, хватай!» несколько верших джигитов высочили из-за холма, где, спрятавшись, поджидали его. Летят навстречу. В кокпаре это запрещено – кони могут сшибиться насмерть. Спасает лишь мгновение. Первый соперник со свистом, как стрела натянутой тетивы, проскочил мимо. Рука, протянутая, чтобы схватить тушу козла, вырвала полу чапана Сердалы. Второй уже поравнялся, распластался вдоль шеи отличного серого скакуна. В глазах Сердалы помутилось. Теперь одна надежда на Рыжего со звездочкой. О жануар! Верный конь принес спасение: несколько метров проскакав бок о бок с конем нападающего, Рыжий резко рванул

вправо. Поворот был настолько неожиданным даже для Сердалы, что он чуть не вылетел из седла.

Самый опасный противник – третий. Сердалы собрался, весь слился с конем. Конь шабандоза чутко реагирует на волю хозяина. Стоит седоку хоть раз ошибиться – конь теряет уверенность, сбивается со скорости. Седок и конь – две чаши одних весов. И успех там, где они уравновешены.

Третий джигит, это сразу почувствовал Сердалы, был самый крепкий – огромный, как дом.

– Ах, мать твою так-перетак... Ах, отца твоего... – горланил он, налетая.

Только теперь понял Сердалы – это байский сыночек Макулуш. Лоб повязан алым шелком. Сердалы отметил, что верзила умело припадает к гриве коня. И вот две руки сцепились в жестокой схватке... Казалось, все только и ждали этого поединка. Кишащая до этого долина замерла, стало тихо, как на молитве. Сознание обожгло воспаленный мозг Сердалы: придется или вырвать из плеча руку противника с кокпаром в седле, или... растерзанным остаться в этой пыльной степи. Третьего варианта нет.

Макулуш резко откинулся на круп своего коня и залег справа от седла. Не успеешь моргнуть – таким маневром соперник со страшной силой вышибет тебя из седла. Молниеносно Сердалы всю тяжесть тела перенес на тушу козла, отчего она стала во много раз тяжелее. Страшно, когда такая тяжесть придется на центр схватки. Противники лежа тянут друг от друга тушу, и лошади обычно не выдерживают – вывих позвоночника неминуем, и тут уж не до кокпара...

Кони резко остановились. Сердалы зубами подтянул повод, и Рыжий отпрянул в сторону. Противник – бывалый боец, разгадал маневр Сердалы и тоже отвернул от него своего коня. Иначе был бы тотчас выкинут из седла. Туша растянулась, как сыромятина, и вновь свела коней. Сердалы рядом увидел налитые кровью глаза Макулуша, тугие желваки на скулах. Оба выпрямились разом. И все же Сердалы первым начал атаку. Подавшись в сторону противника, он тряхнул тушу козла. Край туши мгновенно оказался на луке седла противника, и лука не выдержала, с треском отвалилась. Теперь они скакали рядом, пытаясь выбить друг друга из седла. У Сердалы все горит внутри, будто жилы из него выматывают. Макулуша, видно, тоже оставляют силы: рот разинут, края губ в белой пене. То один атакует, то другой. Кони скачут галопом.

– Отпусти, сукин сын, калекой оставлю!

Лицо Макулуша перекошено. Удар за ударом. Сердалы почувствовал во рту привкус крови. Ждать больше нечего. Он уперся ногами в передние ноги коня, натянул повод на себя – резко остановил Рыжего. Такой маневр на полном скаку требует большой сноровки. Рыжий, повинаясь воле хозяина, стал как вкопанный. Макулуш пролетел мимо, Сердалы улучил момент и дернул тушу к себе. Она вновь натянулась до предела и выскользнула из рук Макулуша!.. Нет, не выскользнула, только подалась на Сердалы. А Макулуш все еще цепляется за нее заломленными за голову руками. Еще секунда – и его развернуло всем корпусом и выбросило из седла, конь промчался дальше.

«Ох!» – единым стоном пронеслось над долиной и по холмам. Макулуш кубарем катился по пыльной земле. Сердалы ничего не видел, ему только послышалось, что разом застонали земля и небо. Толпа, следившая за поединком, затаив дыхание, разразилась стоустым воплем: не разобрать, кто радовался, кто негодовал. Небо белое-белое, ледяное. Будто все сошло с ума. От грохота и грома больно ушам. Сердалы бросил тушу в руки первому, кто с криком «Агажан!» подскочил к нему, и поехал прочь.

Рыжий со звездочкой жметя клубком, не в силах расправить суставы. Устал. Сердалы доволен своим другом. Наклонился, поцеловал в морду. Толпа не выпускала его. Каждый считал своим долгом поздравить. Схватка, видно, длилась долго.

Выехал на вершину холма, спешился. Медленно огляделся вокруг, затем направил горячий взор туда, откуда согревало его тепло любви. Юрты не было видно. Наверное, успели откочевать дальше, на север. Как там Каракыз? Небось, проглядела, бедняжка, глаза, не знает, где найти покой. Она круглая сирота. Ах, если бы у него было еще несколько голов скота, тогда бы они соединили свои судьбы. Она обещала. Нет, не нужен ему кокпар. Пусть кто-нибудь другой дерется за честь рода. Была бы рядом Каракыз, и бегало бы около их юрты пятьдесят овечек или коз. Был бы мир и покой. Больше ничего не надо...

Джигиты никак не уймутся. Толпы всадников скачут то влево, то вправо. Сколько сил и энергии у людей отнимает этот кокпар! Сколько темных страстей поднимается в их душе! В пылу схватки брата родного не пожалеют. Ведь на месте Макулуша он мог оказаться сам. Его бы не выбрали, как этого. Кому он нужен? Лежал бы сейчас в пыли, и тысячи копыт сделали бы из него кровавое месиво. От этой мысли мурашки побежали по коже. «Бедный народ! Всю желчь и злость за свою забитую, темную жизнь изливаешь в этой кровавой игре. Но разве это выход?!» Глаза Сердалы повлажнели. Он ощутил опустошенность. Куда делись честолубие и гордость, которые только что испытывал он. Сник, пал духом. Но не от страха. Сильные плакать не умеют, однако страдают глубоко, так глубоко, что ребра прогибаются от внутреннего стона.

Солнце садилось за горизонт. Он еще раз поглядел туда, где недавно стояла заветная юрта. Оттуда летела, спеша укрыться на ночлег, стая ворон. Сердалы вдруг явно, почти осязательно понял: никогда у него не будет скота, даже тех пятидесяти голов, о которых они мечтали с Каракыз. Никогда, никогда он не сможет преподнести ей обещанный калым. Он бедняк, и бедняком суждено ему быть всю жизнь. Это последний кокпар в его жизни. Пропади пропадом и тот скот, который можно добыть в кокпаре. Ни слава, ни богатство его не тревожат. Завтра же он, бедняк Сердалы, без калыма женится на сироте Каракыз. Это решено, пусть для этого придется даже коня... Жить! Нужно жить, а не умирать...

С криком к нему подскочил худой парнишка, которому он бросил кокпар. Запыхался, едва говорит. Оказывается, кокпар попал в положение дода, и никто его не может вытащить. Мальчик передал слова стариков, просьбу к нему: «Где заступник рода Кыргызалы, где Сердалы? Если не хочет нашего позора перед всеми, пусть скачет сюда. Если он достойный сын своего отца, – пусть разорвет доду!» Хозяин тоя, местный бай, поставил условие: «Кто победит в доде, тому – девять голов скота!»

Сердалы слушает и не слушает. Стоит хмурый. По выражению лица невозможно разгадать его настроение. Лишь посматривает, оборачиваясь, на заходящее солнце.

Дода! Плотная стена из людей и копыт. Раздавят кого угодно, кто только вздумает вытащить из этого ада кокпар. От ударов камчи джигиты теряют сознание, падают навзничь. Кони, сшибаясь, валятся замертво. Выдержит лишь скакун из скакунов, джигит из джигитов. Но раздумывать не пристало. Подтянул подпругу Рыжему со звездочкой, почесал ему за ухом, похлопал по шее. Конь все понимает. Обнюхивает хозяина, всхрапывает. В последний раз Сердалы посмотрел туда, на север, за черту горизонта, и въехал в кишашую толпу.

Чем ближе к середине, тем гуще муравейник из людей и лошадей. Некоторые уступают Сердалы дорогу, но все-таки пробиваться приходится самому. Рыжий

со звездочкой ударит одного коня боком, другого головою. Приближается к туше. В центре какой-то старик. Под ним здоровенный конь, длиной от порога до торя. Передними ногами конь стоит на туше. Сердалы наклонился, потянул тушу. Конь ни с места. Вот это животное!

Отъехал чуть в сторону и направил Рыжего со звездочкой на вороного коня старика. Вороной качнулся, перебрал ногами. Этого достаточно, чтобы выхватить из-под него тушу. Но и старик не зевает, ухватился за козла тоже, не думает уступать. Семь раз тянул к себе тушу Сердалы, припадая к гриве коня. Напрасно. Руки старика растягиваются, что твоя резина, но не выпускают кокпара. Сердалы решил взять на измор: восемь, девять, десять раз тянул тушу: наконец старик не выдержал, разжал руки, и туша ударилась о бок Рыжего. Зацепил передние ноги козла за стремя, тушу прижал бедром к седлу. Тронулся. Теперь, только теперь начнется основное. Надо выбраться из этого кромешного ада.

Свист, глухие удары камчи, гиканье, вопли. Двое с двух сторон уцепились за тушу. У того, что справа, конь, видать, повредил спину, седок понукает, колотит его, но животное повинуется плохо. Однако этот джигит успел ухватиться за ногу козла. Сердалы подергал кокпар, то наклоняясь, то выпрямляясь, и козлиная нога, оторвавшись, осталась в руках соперника. Но тут еще несколько человек ухватились за тушу. Зеленые искры вспыхнули перед глазами – это кто-то ударил его камчой по лицу. Однако тушу он из рук не выпустил.

Все закружилось перед глазами. Толстенные обнаженные руки, свист кнутов. Рыжий не жалеет себя. Сердалы не помнит, сколько припадал к гриве коня – силы Рыжего казались неиссякаемыми. Он летел, набирая скорость. Сколько плетей, занесенных над ним, опускалось на бока других коней! Но десятки рук цепляются за кокпар. Иногда Сердалы инстинктивно чувствует, что туша ускользает, и то ногами, то рукою ухитряется отбиваться от противников. И снова на него налетает черная лавина всадников. Некоторые норовят не кокпар отнять, а выбить из седла его самого. «Надо до захода солнца выбраться из этого безумного вертепа».

И вдруг сильный удар потряс его. Правая рука онемела. Кто-то еще раз полоснул по ней. Цель ясна: перебить руку, вцепившуюся в кокпар. Но мощные мышцы не дали повредить кость. Вроде толпа поредела, всадников меньше. Напрягая остатки иссякших сил, Сердалы отразил еще несколько натисков. Он уже не может пошевелиться, не может сделать рывка, едет, упав на шею коня. Тело будто окаменело. Рыжего, как лодку в бурю, качает из стороны в сторону. В голове сплошной гул, разум помутился...

Что было дальше, Сердалы не помнил. Густая темнота поглотила его вместе с конем. Он не видел, как разошелся народ, как джигиты из аула Макулуша опозорили его коня: подъехали к дрожащему Рыжему и отрезали хвост. Двое табунщиков сняли безжизненное тело джигита с коня, положили на телегу, запряженную волами, повезли. То там, то тут темнели группы всадников, возвращающихся с кокпара. Все молчали, будто ехали с похорон. Как неожиданно люди степи съехались на кокпар, будто выросли из-под земли, так же бесследно исчезают они в кромешной тьме, будто поглощала их сама мать-земля.

Высоко в небе, на самой маковке небесного купола, засветилась луна. Она тусклым светом брызнула на пыльную дорогу, по которой тащилась, поскрипывая, арба, запряженная волами. Огромные колеса в лунном освещении кажутся еще больше. Молчат старики, сопровождающие телегу, головы их поникли. Тяжело отдуваются быки, мотая опущенными головами. За телегой, едва переставляя ноги, бредет Рыжий с обрезанным хвостом. Сейчас все поглотит черная степь. Чего только она на своем веку не видывала, кого только не пожирала навеки?!

ШОЙЫНКУЛАК

Наступило хлопотливое время весны. За несколько теплых дней земля сбросила с себя душное пуховое покрывало снега и, просыпаясь, дышала наконец полной грудью. Высокие холмы за аулом осели, подобно горбам отощавших за зиму верблюдов и, как верблюды свои горбы, подставляли голые склоны теплым лучам весеннего солнца. Большая проселочная дорога, которая всего несколько дней назад напоминала затейливую линию, намалеванную по снегу дегтем, пожелтела, расплылась. Все преобразалось, наполнялось чем-то особенным, трепетным. Ожившее весеннее солнце, проглянув сквозь недавнюю хмарь, не только здесь, на поверхности, но и там, под холодными пластами песка, вызывало все живое к свету. Наперекор заморозкам, сквозь песок и камни навстречу солнцу тянулись нежные ростки зелени, полные неистребимой жажды жизни. Вольно и сладко дышалось, тяжелый рюкзак не резал плечи. Легким, размеренным шагом я входил на центральную усадьбу совхоза, куда был направлен работать трактористом после школы механизаторов.

Совхоз представлялся мне довольно сносным городишкой. И целинников мое воображение рисовало по меньшей мере сказочными богатырями. А тут... Среди редких разбросанных домишек еле нашел контору совхоза. Пожилой, с уставшим, каким-то заспанным лицом мужчина оказался самым директором.

Просмотрев внимательно мои документы, он сказал парню в промасленном комбинезоне, кивнув в мою сторону:

– Подбросишь к трактористам.

Я приехал в бригаду, когда солнце было уже в зените. Около полевого вагончика ни души. Только поодаль у костра хлопотали две женщины. Они не обратили на меня никакого внимания. Одна управлялась с посудой. Вторая, лишь взглянув, перебросила за спину свесившуюся вперед длинную косу и продолжила помешивать кочергой тлеющие угли в костре. Она, видно, решила, что я чей-то сын или братишка.

После солнечного света в вагончике было темно. Кто-то закопошился на средней полке. Затем раздалось покашливание, и этот «кто-то» спросил скрипучим голосом:

– Ты, малец, к нам?

Глаза свыклись с темнотой, и я различил лежащего поверх одеяла мужчину.

– Да вроде бы так.

– Что будешь делать?

– Как «что»? Все, кроме отлеживания собственных боков!

Мужчина чуть приподнял от подушки голову:

– Смотри, какой шустрый! Ты что это так петушишься? С ровесником, что ли, разговариваешь? Иди, устраивайся-ка лучше, чем языком впустую чесать, – он указал мне на верхнюю полку.

Я молча забросил туда свои вещички, стою, оглядываюсь.

– Сколько же тебе лет?

– Восемнадцать.

– Да-а, – неопределенно протянул мой собеседник. – Сейчас придет бригадир, спросишь, когда и с кем будет выходить в поле. А пока – дело хозяйское: хочешь – посиди, хочешь – ложись, отдохни.

Мне стало неловко за свои колкие слова, и я готов был уж просить прощения у этого в общем-то приятного человека. Чтобы хоть как-то замаять свой промах.

я спросил, как звать его. Тракторист назвался Олжабеком. Он работал сегодня в ночную смену, сейчас отдыхал.

– Вот так-то, браток, – сказал он, садясь на полке и опустив свою широченную ладонь на мое плечо. – Значит, в наше сословие потянуло, решил, значит, быть трактористом? Ну, что же, дело стоящее. Только, – он подмигнул неожиданно лукаво, весело, – как бы по мамке не соскучился и не удрал ночью под ее крылышко! Такое, брат, мы уже видели.

– Нету у меня мамки!

Олжабек соскочил на пол, погладил меня по голове, виновато затоптался на месте.

– Не горюй, не ты один таков. Я, брат, тоже в твои годы лишился родителей. Говоришь вот, что братья у тебя есть, а у меня в ту пору никого на всем свете – один как перст. Теперь уж забылось это, сам стал и отцом, и зятем. А трактористу, брат, и унывать некогда: садись на своего стального конягу и паши, распевая на все поле! Кто запретит, а?

В дверях вагончика показался мужчина невысокого роста.

Остановился, снял промасленную кепку, улыбается мне приветливо:

– Так это уж не ты ли направлен к нам трактористом?

– Так точно, – поспешил ответить за меня Олжабек.

– Очень хорошо, ой, как хорошо. Люди позарез нужны. С Шойынкулаком работать будешь, у него сменщика нет.

Я повторил несколько раз про себя: «Шойынкулак, Шойынкулак...» Где-то я слышал это смешное имя, в сказке, что ли? Интересно.

После обеда бригадир подозвал меня к себе и, указывая только что выструганной камчой на трактор, бороздивший невдалеке поле, сказал:

– Видишь? Вот туда и пойдешь, сменишь Шойынкулака.

Я молча слушал бригадира, стоявшего ко мне спиной. На его затылке торчали, как лишайник на солнцепеке, кустики редких волос.

– Проводил бы тебя, да еду на Центральную, надо поспеть дотемна. Я ему говорил, что придеешь. Ну, будь здоров, не робей.

Вскочив на лошадь, он хлестнул ее камчой и пустился вскачь по дороге к поселку.

Я вышел на край поля, постоял немного, потом, увязая в рыхлой, только что проложенной борозде, пошел навстречу своему будущему напарнику. Он, заметив меня, остановил трактор, прыгнул на землю и встал, широко расставив ноги, руки в карманы, словно приготовился драться со мною.

– Здравствуйте, – сказал я, подходя.

– Угу, – пробасил он. – Куда идешь?

– Послали к вам...

– Да не выкай ты. Раз вместе будем работать, значит – на равных. Ну и худющий! Чем в длину тянуться, лучше бы в ширину подался. – Он вытащил из карманов громадные ручищи. – Сможешь трактор-то гонять?

– Как это «сможешь»? Ведь вы тоже его не сами толкаете?!

Уступать я не собирался.

– Ойбай, поглядите, люди добрые! – засмеялся он. – Оказывается, говорить мастер. Давай-ка влезай на трактор да заводи, посмотрим, как работаешь! И знай заранее, чуть что – сразу выгоню.

Он решительно подошел к машине, заглушил мотор.

– А ну, заводи!

Не понравился он мне. Лицо – не дай бог: угреватое, как кожа ошипанной курицы. Половину занимает непомерно большой нос – словно приклепнутый нарочно

кусок мяса. Неправильно приклепнутый, с перекосом налево. Казалось, что он вот-вот отвалится. Мною овладел страх. Я суетливо завел мотор, птицей влетел в кабину. Шойынкулак стоял неподвижно, в прежней позе – руки в карманы. Трактор медленно сдвинулся и... пошел. Я ждал окрика, но нет, ничего. Отъехал немного, оглядываюсь – мой напарник стоит так же. «Что за человек! – не без досады подумал я. – Может, сумасшедший какой? Застыл как пень». Я прошел загонку, он – все в той же позе. Меня разобрал нервный смех. Злость и веселье смешались вместе. Второй загон я проскочил мимо «повелителя», хотя видел, что он машет мне рукой. Когда стал делать третий заход, понял, что Шойынкулак зол. Верхняя губа ходит туда-сюда. Останавливаюсь, глушу мотор.

– Ты это что, парень, а? – заорал он, весь дрожа, не находя слов.

– Как это что? Я тракторист, работаю.

– Я покажу тебе «тракторист»! Будешь своевольничать – не жалуйся: головой вон в ту топку воткну! Понял?

Я посмотрел на трубу, из которой клубами валил дым. Она такая тоненькая, что не только голову, а и кулак мой не протиснуть. В другой бы раз я рассмеялся, но сейчас и улыбнуться не смел. Я верил, что он, если захочет, то вправду выхватит меня из кабины своими огромными ручищами и, как муравья, растопчет громадными сапогами. Я молчал, пока он не успокоился, потом слез с трактора и отошел в сторону.

– Гляди, какой гордый! Обиделся! – произнес Шойынкулак уже другим тоном. И, совсем смягчившись, добавил: – Валяй! А я утром приду.

Подобрал лежащую в стороне фуфайку, перебросил ее через плечо, зашагал к стану. Уже издали, обернувшись, крикнул:

– Эй, тебя как зовут?

– Султан.

– А мое имя в кабине на стенке выцарапано. – И потом: – Табак есть?

– Не курю.

Он махнул рукой и пошел быстрым шагом, больше не оборачиваясь. Я влез в кабину, стал осматривать ее. Над указателем «Масло» крупно нацарапано «Алданыш». Почему он Шойынкулак? И почему он Алданыш? Может, его Шойынкулаком прозвали за его внешность, как героя-чудовище из легенды «Ер-Тостик»? Если так, то очень метко. Он именно такой, страшнее не придумаешь.

Я снова нажал на газ. «Р-р-р» – зарокотал мотор, поехали...

До рассвета еще два-три часа, а усталость и сон сковали все тело. Равномерный шум мотора стал настолько привычен, что я больше не слышу его. Из оцепенения выводит только лязг частей, когда трактор заносит на неровностях. Вниз-вверх, вниз-вверх. Это убаюкивает еще больше...

Проснулся оттого, что больно треснулся лбом о железо. Трактор, взревев, остановился. Понял одно – случилось что-то ужасное. Заснув, я уехал невесть куда. Сердце, екнув, часто заколотилось от ощущения непоправимой беды. Трактор стоял, уткнувшись в ров.

Мягкий предутренний ветерок, нежный и прохладный, как шелк, отдавал жарким бензинным дыханием раскаленной машины. Вода в радиаторе разбрызгивалась, урча, как брюхо голодной коровы. На руку капнуло что-то теплое-теплое. Зажег спичку, глянул – кровь! Провел ладонью по лбу – больно, рука прилипает... Голова закружилась, со страху ноги сами собою подкосились. Не заметил, как плюхнулся наземь. .

В ушах неумолчный шум трактора. Может, гул других машин, которые пахут? Как же быть? Что теперь скажет Шойынкулак? Вспомнил его, и совсем страшно стало. Лежу в оцепенении.

Забрезжил рассвет. Жаворонки один за другим вспархивают в далекое небо. Мало-помалу я оправился от испуга. Умылся из канистры и приготовился ко всему, что уготовила мне судьба. Да и что ж еще оставалось делать?

Из-за гор показалось солнце. Оно как будто смеялось над моим несчастьем. Длинная одинокая борозда шла издалека и заканчивалась точно на том месте, где я сидел сейчас. По этой самой борозде Шойынкулак и найдет меня. И действительно, вскоре из-за перевала показалась его одинокая фигура. Я видел, знал, что это он, Шойынкулак, но молился, чтоб аллах заменил его кем угодно. Сомнений нет, теперь он прогонит меня.

Я опустил голову, боясь смотреть в сторону идущего ко мне человека. Ведь я преступник, настоящий преступник!

Но делать нечего – набираюсь храбрости, поднимаю голову: точно, сам Шойынкулак! И голова снова сама собою склонилась чуть ли не до земли. Он, заметив меня, побежал.

– Ой, Султан, что с тобой? Япыр-ай, а я уж испугался, Думал: вместе с трактором полетел с обрыва. Слава богу, жив! – он облегченно вздохнул. – Заснул, дурачок? Э-э, заснул! Ничего, ничего, это бывает! Видишь, только ров спас тебя, видно, на счастье прокопали его здесь. А не он, так прямиком бы вон с того обрыва полетел – и крышка.

Я молчал.

– Султан, дурачок, да ты никак все еще спишь? Конечно, спишь! – он приподнял мою голову за подбородок и отшатнулся. – А это что у тебя? Ударился? – он взял меня под руки, приподнял.

Честно говоря, никак не ожидал я от Шойынкулака такого к себе отношения. Волна теплоты к этому смешно прозванному неказистому человеку и жалости к себе переполнили грудь, к горлу комом подкатили слезы. Я расплакался навзрыд. Шойынкулак терпеливо ждал, когда я успокоюсь. Протерев кулаком глаза, посмотрел под обрыв. Япыр-ай, осталось всего несколько метров! Действительно, меня «спас аллах...»

– Ну, джигит, – услышал я голос напарника, – посиди, пойду пригоню трактор, надо выволочь наш-то. Сами мы, хоть и мужчины, – он улыбнулся, – но вряд ли сумеем тут справиться.

– Шойын... – я вовремя спохватился. – Алданыш, ты уж не рассказывай никому, ладно?!

– Э-э, да ты и стыдливый еще! Хорошо, пусть останется между нами. Только впредь запомни, что значит заснуть на тракторе, за рулем!

И, круто повернувшись, он зашагал назад и вскоре скрылся за перевалом. Примерно через полчаса на том же месте показался трактор. На полном ходу он проскочил мимо, круто развернувшись, остановился впереди застрявшей машины. Вдвоем мы зацепили наш трактор тросом и... раз-два – вытащили.

– Ну, Султан, – сказал Шойынкулак, вытирая пот со лба, – теперь иди, отдыхай. Садись на трактор и кати. Сдашь там одному, Олжабеком зовут. Хорошо?

– Хорошо.

– Ступай.

Когда я вошел в вагон, трое играли в карты.

– Ну как, Султан? Хороша привольная жизнь? – Олжабек подошел ко мне. – А это что у тебя на лбу? Шойынкулак угостил?

– Нет, что вы. Сам молотком, нечаянно.

– Осторожнее надо, ишь как саданул. Иди, перевяжу.

Он открыл аптечку, смазал ссадину йодом, перевязал бинтом.

– Это тот парень, что вчера прибыл, сменщик Шойынкулака, – пояснил он приятелям.

– Чьим бы сменщиком ни был, пусть идет сюда, у нас четвертого не хватает.

– Нет, ему отдыхать пора. А может, сыграешь, Султан?

– Я не умею играть.

– Вот это джигит! – подхватил вчерашний хрипловатый голос. – Вымахал с версту, а играть не научился. Ты слышишь, Журтай, он играть не умеет! Э-хе-хе-хе!..

– Чего ржете, как жеребцы! – Олжабек покосился в сторону игроков. – Смешно, что человек в карты не умеет играть. Не обращай, брат, на них внимания. Люди с работы, они иногда и так отдыхают. Как говорится, вольному – воля. А ты ложись, ночью-то тебе колыбельную никто не пел.

Забравшись на полку, которую указал мне вчера Олжабек, я зажмурил глаза. Приятная истома разлилась по всему телу. Сладкий сон завладел мной.

Проснулся неожиданно, от голосов, произносивших одно и то же: «Шойынкулак, Шойынкулак». Лежу в полудремоте, не открывая глаз, но слышу все.

– Вот умора! Значит, и такое водится за нашим Шойынкулаком! Хо-хо-хо! Ха-ха-ха! Ух-ух-ух!

– С него станется!

Понял, что речь идет о моем напарнике. Невольно прислушался.

– Вы еще не все о нем знаете! Как он, когда еще только приехал в совхоз после армии, опозорил нашего бригадира, Тлеугабыла! Вот это умора!

– Да как же это?

– Расскажи!

– О, это интересно, – начал тот человек, с хриплым голосом. – Было так, значит. Шойынкулак только-только появился в нашем совхозе и работал, как и сейчас, на пахоте. А вы же знаете Тлеугабыла – человек как человек, но если вспыхнет – держись, языком режет, что бритвой. Шойынкулак, значит, пашет, бригадир идет по борозде, кнутовищем промеряет глубину вспашки. Шел так, шел и вдруг кричит: «Эй, поди-ка сюда. Ты что же это делаешь? Вместо тридцати – двадцать гонишь? А ну, перепаживай снова!» – «Нет, вы же в низинке меряете! В остальных местах проверьте – везде по тридцать». А бригадир стоит на своем – перепаживай, да и только! Повздорили крепко. Больше горячился Тлеугабыл, Шойынкулак все помалкивал. «Непутевый! Я покажу тебе, как обманывать государство!» Здесь уж и Шойынкулак не стерпел, взорвался: «Эй, бригадир, чувствуй себя хоть богом, а если не возьмешь сейчас же свои слова обратно, не говори, что не предупреждал, съезжу я тебе за милую душу!» «Кому это ты съездишь? – позеленел бригадир. – Лишнее на себя берешь, Шойынкулак!» Алданыш, так мы все тогда звали тракториста, тут же беркутом налетел на несчастного Тлеугабыла, схватил за грудки, трясет: «Эй, что ты сказал? А ну, повтори!» «Как что? Непутевый, Шойынкулак – вот ты кто», – выпалил бригадир и тут же сто раз пожалел, до того Шойынкулак переменялся в лице. Побежал наш Тлеугабыл к лошади, хотел удрать, но Шойынкулак в два прыжка настиг его. Сорвал с седла, помял для остротки и, бросив беднягу кулем в седло, задом наперед, лицом к хвосту, припоясал накрепко поводьями. Потом... хо-хо-хо!.. под хвост лошади табачку сунул, та и понеслась!

– Ха-ха-ха!

– Ух-ух-ух!

– Злополучный стригунок только-только был обучен езде. Понесся, как одурелый! Поди угадай, где остановится! Ну, наш Тлеуке ухватился накрепко за хвост, молит всех своих предков о спасении. А всего неделя прошла, как купил он этого

стригунка у меня. Животное, понятно, раз – и к моему двору. Слышу среди ночи: кто-то вокруг дома вскачь носится, никак не остановится. «Япыр-ай, – думаю, – кто же это в полночь около моих ворот выкаблучивается?» Выхожу за ворота, а там на коне кто-то задом наперед сидит. «Кто ты?» – спрашиваю. Ни звука. «Эй, язык у тебя есть, кто тебе нужен?» «Ойбай, Мақыш, избавь от позора, не говори никому развяжи меня!» – голос жалобный, едва слышно. Смотрю, это наш Тлеугабыл! Рассказал он мне все, как было. А с Шойынкулаком, говорят, они с тех пор и не знают.

Все смеялись. Я тоже рассмеялся. Теперь понятно, почему бригадир вчера сказал, чтобы я шел к напарнику один, что будто сам он спешит на центральную!

– Вот, просил не рассказывать, да я уж рассказал. Давно ведь было... А знаете, – продолжал тот же голос заговорщицеским шепотом, – Шойынкулак-то влюблен!

– Брось ты!

– Уж это ты заливаешь без меры!

– Откуда ты все знаешь?

– Не удивляйтесь, сейчас увидите, что и это правда. Стою я как-то вот здесь, в вагончике, а Шойынкулак вытаскивает из кармана папиросу. Глядь, из кармана выпала бумажка. Он отошел, не заметив, а я, ради озорства, поднял. Смотрю, на бумажке крупно, почти печатными буквами написано: «Назира». Хотел прочесть для интереса, что написано там еще, но подскочил Шойынкулак, выхватил записку: «Знаешь, любопытство не порок, а...» – он так посмотрел на меня, что я струхнул.

– Так, значит, Назира?

– Ну, Назира все равно на него не посмотрит.

«Интересно, – думал я, – а кто же такая эта Назира, которую, наверное, и вправду любит Шойынкулак? Повариха? Одна из двух? А скорее всего, этот тип сам все сочинил».

– Ну, – раздался голос Олжабека. – Время заступать на работу. Посмеялись, пошутили – по коням.

Через несколько минут в вагончике не осталось никого, кроме меня. Потом один за одним собрались все из ночной смены – начался завтрак.

Вечером, когда пришел Шойынкулак, я снова отправился в ночную. Я изо всех сил старался не заснуть: пел, горланил на всю степь, несколько раз вставал с трактора, чтобы размяться. Через неделю втянулся, и уже ночь мне была нипочем. Да и друзей стало у меня много, перезнакомился со всеми, кто был на пахоте. С Шойынкулаком мы сдружились крепче всех. Иногда подойдет и скажет: «Знаешь, Султан, я сегодня что-то не устал за день, поработаю и в ночную, а ты поди, отдохни». Иногда он мне признавался откровенно: «Хороший ты парень, как родной брат мне, вот только язычок вовремя не умеешь прикусывать».

Здесьние джигиты побаивались его и в лицо называли Алданышем, но стоило ему скрыться с глаз долой, как тут же слышалось имя-прозвище – Шойынкулак.

Как-то мы с ним долго возились над пустяковой поломкой: у меня не хватало умения, он что-то все нервничал. И вообще последнее время ему было не по себе. Я чувствовал, что, попадись сейчас ему под руку, – огреет ни за что ни про что. Молчу: лучше, думаю, не связываться.

Лежим как-то уставшие, в тени трактора. Он курит и вдруг, повернувшись на локте, спрашивает меня с какой-то издевкой:

– Ты почему такой худой и длинный, как жердь?

Я разозлился и тоже задал вопрос:

– А почему ты Шойынкулак?

– Эй, дурачок! Что ты сказал, а ну повтори!

– Сказал, что слышал!

Не успел моргнуть, как от тяжелой оплеухи искры посыпались из глаз. Я закрыл лицо руками, не зная, куда деться от стыда.

– Был бы кто другой, получил бы еще и не так. Моли бога, легко отделался! Да помни, в другой раз не пощажу.

Он вмял окурок в сизый песок.

Несколько дней я старался избегать его.

Однажды после ужина, захватив с собой кое-что из теплых вещей, чтобы одеться к рассвету, я отправился в ночную. Порядочно уже было отошел, как услышал позади голос:

– Султан, а Султан! Подожди!

Оборачиваюсь – Шойынкулак. Бежит ко мне, смеется.

– Давай сегодня поработаем вместе, – предлагает.

– Давай. Но тебе отдыхать надо. Ты же только из смены.

– Ой, из-за одной ночи ничего не будет.

– Хорошо, пошли, раз так.

...Оба сидим в кабине. Шум – не поговоришь. Трактор, разрезая надвое темноту, с грохотом и шумом идет вперед. Жаворонки, укрывшиеся в полыни на ночлег, то и дело вспархивают и пропадают в безбрежной темноте. Изрядно прошло времени, прежде чем Шойынкулак наклонился к уху, крикнул: «Остановись», потом – «Заглуши!» Я сделал все, как велел. Жду, что дальше?

– Султан, – обращается он ко мне дружески. – Не проболтаешься, если доверю что-то?

– Не проболтаюсь.

– Скажи... скажи, ты когда-нибудь был влюблен? – голос задрожал, осекся.

Мне стало жаль бедного Шойынкулака. С готовностью я рассказал ему все, что знал сам и слышал о любви от других. Особенно внимательно он слушал, когда я говорил о своей девушке.

– Ты женишься на ней?

– А что, женюсь!

– Какой ты, Султан, счастливый. Есть любимая девушка, переписываешься...

В эту минуту я окончательно убедился, что Шойынкулак любит Назиру. Мне хотелось увидеть его лицо, но было темно.

– Ты что, Алданыш, влюблен? В кого же?

– Я... люблю... Назиру, – сообщил он шепотом. Тут же стряхнулся и бодрее попросил: – Султан, ты пишешь хорошо, язык у тебя не то что мой – слова сами льются. Давай вместе сочиним ей письмо!

– Хорошо, – согласился я. – Но кто она, и что бы ты хотел написать ей?

– Она врач, приезжает осматривать нас. А что писать, я тебе подскажу.

«Вот это да!» – подумал я про себя, а вслух спросил:

– Ручка, бумага есть?

– Конечно.

Он пристроил бумагу на канистре, дал ручку, сам стал светить мне карманным фонариком. Призадумался. Наконец стал диктовать: «Дорогая Назира, свет мой, что дороже жизни моей! Надеюсь, ты жива, здорова и все у тебя благополучно...»

– Стой, стой, – запротестовал я. – Разве так пишут любимым?!

– А как же по-другому-то?

Я понял, что ничего путного Шойынкулак не придумает. И посоветовал:

– Ты пойди прогуляйся. А я попробую сочинить сам.

Он обрадовался, запрыгал, как дитя.

Оставшись один, я приступил к письму. Подбирал самые нежные, самые красивые слова, пытаюсь донести до сердца девушки всю боль и тоску влюбленного. Пылкое послание закончил стихом, который сочинил тут же. Шойынкулак уже несколько раз подходил ко мне и все интересовался: «Ну как, готово?» Наконец я написал. С восторгом он слушал конец:

Сердце, тоскуя, тает в груди.
Пусть светит всю жизнь нам любовь впереди!
Знай, моя радость, моя Назира,
До смерти ты будешь одна мне мила!

Шойынкулак был на седьмом небе.

– Ну вот, смотри, дурачок, какой ты, а? – он читал и пересчитывал письмо и все радовался.

Рад был и я. Однако на мою долю выпало и самое трудное: именно я должен был вручить письмо Назире.

На следующий же день, чуть отдохнув, я отправился с попутной машиной на центральную усадьбу совхоза. Зашел в больницу. Разыскал Назиру. Получив от меня послание Шойынкулака, Назира прочитала его и зарделась как маков цвет. Я потоптался перед нею некоторое время и вышел. Ни она не произнесла ни слова, ни я ничего не решился спросить.

Долго мы ждали от девушки ответное письмо. Много бессонных ночей провел рядом со мною в кабине Шойынкулак. Иногда я слышал, как он, лежа на спине, заговорщически подмигивал далеким звездам и шепотом спрашивал: «Назира красивая, правда? Назира умница, да?» Я все больше поражался: до чего же преданное и нежное сердце бьется в груди этого неказистого Шойынкулака.

Мы написали с ним Назире второе, третье и даже четвертое письмо, а ответа так и не получили. Бедняга Шойынкулак... Он не находил себе места. Мне было искренне жаль его. Махнув на все рукой, я написал Назире последнее, самое длинное и самое пылкое послание, на которое, по моему предположению, она не могла не ответить. И вот как-то сижу я один в вагончике, подходит ко мне повариха, подает записку: «Доктор велела передать». Я не удержался, тут же полюбопытствовал, что же все-таки пишет Назира? А когда прочитал – похолодел.

«У меня есть парень, – сообщала девушка. – Больше не пиши мне, Шойынкулак». О, горе! Она, видимо, даже и не знает настоящего имени бедняги. Он же стеснялся даже подписаться в письме, боясь, что оно попадет в чужие руки. Я не знал, что делать: показывать или не показывать записку Шойынкулаку? Потом решил: будь что будет. Все-таки письмо ему, пусть читает. Уж лучше покончить со всем разом, чем тешить душу бесполезными надеждами.

Он обрадовался, увидев меня в неурочный час: значит, с какой-то вестью пришел.

– Что, письмо?

– Да, – пробормотал я.

Он схватил меня под мышки, несколько раз подбросил вверх, как тымак.

– Что она написала, читай скорее!

– Сам прочитай, – я отдал письмо и отошел подальше.

Я видел, что, взглянув на записку и поняв ее смысл, Шойынкулак стоял как вкопанный, безвольно опустив руки, ошалело вращая глазами. Что-то бормотал, даже выкрикивал. «О несчастный Шойынкулак! – жалел я. – И зачем тебе надо было влюбляться?» Он подошел ко мне ближе, и я расслышал, как он побелевшими губами шептал одно и то же: «Шойынкулак, Шойынкулак...» Видимо, именно это больше всего ранило его душу. До самого вечера я был с ним в поле, и до самого вечера мы не проронили ни слова.

С тех пор мой напарник начисто переменялся. Целыми ночами он бродил где-то, возвращался только тогда, когда пора было заступать на смену. Не завтракая, он садился на трактор и уезжал. В дополнение ко всему, в один прекрасный день мы узнали о замужестве Назиры. Помню, как, услышав об этом, потемнел в лице Шойынкулак. Замкнулся в себе наглухо. Я даже боялся, что он или на себя наложит руки, или, чего доброго, девушку сгубит.

Два дня Шойынкулак не показывался в бригаде. На третий день я нашел его яростно гоняющим трактор на соседнем поле. Он свирепо глянул, остановил трактор, спрыгнув, схватил ком земли, готовый запустить им в меня, если подойду близко. Я испугался, подумал: уж не спятил ли мой напарник? Ушел от него молча. Но к обеду, прихватив еду, отправился снова. Шойынкулак лежал на спине в тени трактора. Мотор работал.

– Алданыш, – чуть слышно позвал я. – Ау, Алданыш, вставай, я обед принес.

Он был как лев, которого пробудили ото сна. Медленно повел головой в мою сторону, глянул на меня покрасневшими не то от бессонницы, не то от слез глазами. Миг – и он зарычит. Но Шойынкулак после долгого взгляда кивнул мне подбородком на трактор: садись, мол, поезжай. Я сел, поехал. Сделал три-четыре круга, остановился. Шойынкулак, как безумный, все сидел на том же месте, вперив глаза в одну точку. Когда я возвращался после четвертого загона, то увидел, что Шойынкулак медленной походкой уходил по направлению к стану. Я поработал еще с часок. Потом пошел собирать оставленную им посуду. Из газеты, что лежала рядом, выпала записка. «Султан, я ухожу. Может, еще свидимся. Прощай», – прочитал я на клочке от газеты и кинулся вслед за Шойынкулаком, за своим самым близким другом! Я знал, что он не услышит меня, но кричал, сколько было сил. Человек в серой солдатской шинели уходил все дальше и дальше от полевого стана трактористов. Вот его нагнала попутная машина, он остановил ее взмахом руки и запрыгнул в кузов. Когда машина снова тронулась, Шойынкулак обернулся и, заметив меня, прощально помахал фуражкой.

Я побрел к своему трактору и повалился рядом с ним ничком на землю...

Незаметно пролетело лето. Вот и золотая осень. После горячей поры уборки наступили дни, когда мы поднимали зябь. Работы теперь уж не так много, и на тракторе я управлялся без сменщика.

Сегодня, как и довольно часто, я с грустью вспомнил Шойынкулака, человека, который, по моему убеждению, умел так глубоко, по-настоящему любить. Когда уже сгущались сумерки и мы заканчивали пахоту, у обочины поля остановился бензовоз. Из кабины выпрыгнул шофер. Я не обратил на него особенного внимания, но что-то показалось мне в этой ладно сбитой фигуре знакомым. Отряхнувшись от пыли, еще раз взглянул на шофера.

– Ой, дурачок, Султан, да ведь это ты собственной персоной! – забасил шофер, и тотчас я узнал в нем Алданыша.

– Шойынкулак, – заорал я, от радости забыв все на свете, и повис на его широченных, могучих плечах. – Япыр-ай, откуда ты, как попал сюда? – повторял я.

– По полю, по тебе, дурачок, истосковался, вот и решил проскочить сегодня этой дорогой. А вдруг, думаю, свидимся! – голос Шойынкулака дрожал, он не мог скрыть радостных слез и, смеясь, вытирал лицо широченной, как лемех, ладонью.

